

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 930.2

Духовно-нравственные проблемы советского общества
в интеллектуальном наследии А.Ф. Керенского 1920–1940 гг.

Марина В. Новикова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, M.novikova@yandex.ru*

Аннотация. Пребывание Александра Фёдоровича Керенского за рубежом ознаменовалось активным участием эмигранта в общественно-политической жизни: публикации в газетах и журналах, выступления с докладами в странах Европы и в США, работа над собственными сочинениями. Эвристический потенциал изучения его интеллектуального наследия 1920–1940 гг. обусловлен возможностью переосмыслиния вклада бывшего министра-председателя Временного правительства в историческую и политическую мысль русского зарубежья. В соответствии с общеэмигрантским интеллектуальным ландшафтом в статье выделяется несколько моделей конструирования Керенским образа советской власти и населения, составляющих его идеологическую матрицу. Так, например, рассмотрению подлежит представление А.Ф. Керенского о духовно-нравственных проблемах общества, что выразилось прежде всего в критике системы образования и политики террора, а также в перенесении на его характеристики элементов христианской догматики и литературных образов из романа М.Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города» 1869–1870 гг. Иной главенствующей моделью презентации Керенским указанных проблем определяется его взгляд на пассивность населения по отношению к власти – идейная составляющая концепции неонародничества.

© Новикова М.В., 2025

МОЛОДОЙ ИСТОРИК. 2025. № 1

Таким образом, наряду с выявлением обозначенных выше моделей автором статьи определяется их последующая трансформация за указанный период.

Ключевые слова: интеллектуальная история, А.Ф. Керенский, советское общество, русское зарубежье

Для цитирования: Новикова М.В. Духовно-нравственные проблемы советского общества в интеллектуальном наследии А.Ф. Керенского 1920–1940 гг. // Молодой историк. 2025. № 1. С. 101–115.

Spiritual and moral problems of the Soviet society
in the intellectual heritage of A.F. Kerensky 1920–1940

Marina V. Novikova
*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, M.novikovaa@yandex.ru*

Abstract. Alexander Fyodorovich Kerensky's stay abroad was marked by his active participation in social and political life: publishing articles in newspapers and magazines, delivering speeches in European countries and the USA, writing and editing manuscripts. The heuristic potential of studying his intellectual heritage of the 1920–1940s is determined by the possibility of reinterpreting Kerensky's contribution to the historical and political thought of the Russian diaspora. In accordance with the general émigré intellectual landscape, the article highlights several models which constitute Kerensky's ideological matrix within which he constructed the image of the Soviet power and the population.

For example, the paper investigates Kerensky's idea of the spiritual and moral problems of society, which was primarily expressed in the critical approach to the education system and the policy of terror, as well as in the transfer of certain elements of Christian dogma and literary images from "The History of a Town" by M.E. Saltykov-Shchedrin (1869–1870) to his characteristics. Another dominant model of Kerensky's representation of the above problems is his attitude to the inaction of the population towards the authorities which constitutes an

ideological component of neo-populism. Thus, along with identifying the above models, the paper identifies their subsequent transformation over the specified period.

Keywords: intellectual history, A.F. Kerensky, Soviet society, Russian diaspora

For citation: Novikova, M.V. (2025), “Spiritual and moral problems of Soviet society in the intellectual heritage of A.F. Kerensky 1920–1940”, *Young Historian*, no. 1, pp. 101-115.

Переломным периодом в биографии Александра Фёдоровича Керенского принято считать 1917 год, на который пришёлся одновременный пик и закат его политической деятельности в России. Став самым молодым в истории России премьер-министром, он завершил блестящую карьеру весьма трагично [Тютюкин 2012, с. 6]. Кроме того, по словам Б.И. Колоницкого, который занимался изучением феномена его лидерства и формирования культа вождя народа, Керенскому, пережившему стремительное падение своего авторитета и свержение большевиками установленного режима в течение одного года, «не повезло» также ни с историографией, ни с автобиографиями [Колоницкий 2017, с. 15–16]. И действительно, биографическое измерение его жизни, включая период 50-летнего пребывания в эмиграции, часто носит шаржированный, идеологически предвзятый характер.

В июне 1918 г., будучи вынужденным навсегда покинуть пределы России, Керенский прибыл в Англию для переговоров с британским Премьер-министром Ллойд Джорджем по поводу организации сопротивления партии большевиков, но, не найдя ожидаемой поддержки, спустя два года уехал во Францию [Тютюкин 2012, с. 282]. В Париже бывший министр-председатель Временного правительства, несмотря на несбывшиеся надежды, продолжил активное участие в общественно-политической жизни: публиковался в газетах и журналах, выступал с докладами в странах Европы и в США, работал над собственными сочинениями. Помимо всего прочего, он являлся одним из инициаторов создания Внепартийного объединения 1920 г. и созыва совещания бывших

членов Учредительного собрания 1921 г., организованных с целью сплочения демократических сил в борьбе с новой советской властью.

В контексте данного вопроса нужно понимать, что на тот момент Керенский отказывался причислять себя к эмигрантам, воспринимая свою роль в жизни русского зарубежья с позиции возглавления освободительных сил [Abraham 1987, р. 173]. Деятельность политика сосредотачивалась на агитационно-пропагандистских и информационно-издательских задачах, отчасти согласованных с политической программой партии социалистов-революционеров, что также необходимо учитывать для понимания специфики нарратива его работ и речей.

Таким образом, эвристический потенциал изучения интеллектуального наследия, оставленного А.Ф. Керенским за период французской эмиграции 1920–1940 гг., обусловлен возможностью переосмыслить его вклад как в отечественную историческую мысль, так и в историческую мысль русского зарубежья.

Основные сюжеты, к которым обращался А.Ф. Керенский, в большей степени посвящены анализу политических и социально-экономических реалий Советского государства, однако не менее важными в данном случае представляются его размышления о духовно-нравственном состоянии самого общества. Обращаясь к характерному для российского политика принципу осмыслиения и интерпретации советской действительности, необходимо отметить следующее: общество, под которым понималась и власть, и население, представлялось ему «монархическим» и «капиталистическим», каким оно и было ещё в дореволюционной России. Указанные дефиниции позволяли российскому политику, нацеленному на дискредитацию образа Советского государства, подчеркнуть, что, несмотря на радикальные изменения, произошедшие в стране после революции, многие элементы старого порядка продолжали существовать в исходной форме. Идентичный подход прослеживается также в понимании Керенским духовно-нравственных проблем, однако в качестве элемента сравнения политик избирал, соответственно, не советский «монархизм» и «капитализм», а «христианство».

Остановимся на элементах, составляющих идеологическую матрицу А.Ф. Керенского в отношении данного вопроса.

Ещё в 1920-е гг. на страницах собственного сборника статей «Издалёка» российский политик использовал такие дефиниции, как «пролетарское евангелие» и «апостолы-бюрократы»¹ – так он называл советских чиновников, по отношению к которым рабочий класс продолжал находиться в закрепощённом состоянии. В другой статье, помещённой в тот же сборник, такая характеристика советского общества была дополнена: В.И. Ленину вменялось определение «пророка», политика против контрреволюционеров обозначалась термином «анафема», а знаменитый «21 пункт», утверждённые на съезде II Коммунистического Интернационала партии большевиков, – «заповедями»². Примечательно, что Ф.А. Степун, русско-немецкий философ-эмигрант, рассуждавший в частности о религиозном социализме, отмечал примерно то же: лозунги Ленина-порока предстают в его воспоминаниях, как «библейские заповеди» [Степун 2023, с. 530]. Советский Союз же получил в статьях Керенского ироническое название «Царствия Божьего на земле»³, где лишь небольшой процент населения мог быть причислен к «настоящим фанатикам», готовым «сгореть на кострах, но от “писания” не отказаться»⁴.

На первый взгляд может показаться, что обозначенные характеристики, обнаруженные в интеллектуальном наследии А.Ф. Керенского и других эмигрантов, обусловлены тривиальной психологической потребностью придать внешнему раздражителю сатирический образ и тем самым дискредитировать его. Но в то же время следует понимать: для борцов с религией вместо проведения аналогий с христианством, что может быть расценено как богохульство, наиболее логичным представляется использование дефиниций вроде «антихристи», которая, к слову, действительно

¹ Керенский А.Ф. Советская действительность // Издалёка: сб. ст. Париж, 1922. С. 54.

² Керенский А.Ф. За кулисами III Интернационала // Издалёка: сб. ст. Париж, 1922. С. 60.

³ Керенский А.Ф. На переломе // Издалёка: сб. ст. Париж, 1922. С. 41; Он же. Советская действительность. С. 53.

⁴ Керенский А.Ф. Февраль и Октябрь // Современные записки. 1922. Кн. IX. С. 292.

имела место в творчестве эмигрантов, в особенности среди тех, кто занимался осмыслиением путей развития России и проблем соотношения христианства и социализма.

Ф.А. Степун, например, ещё в 1918 г., отмечая падение нравственности России после Октябрьской революции, определил русский марксизм как «захватившую народную душу лжееверу», а сам большевизм назвал «сатанократией» [Гаврилов 2017, с. 359]. То же утверждал и Г.П. Федотов, известный религиозный мыслитель русского зарубежья, который наряду с Ф.А. Степуном печатался в периодических изданиях партии социалистов-революционеров, оказавшихся в эмиграции. В его сочинениях указанная дефиниция «советская сатанократия» трансформировалась в «сталинократию» [Федотов 1994, с. 10, 122]. В таком случае возникает вопрос о релевантности и истоках применения христианских эпитетов по отношению к советскому обществу, служивших не просто инструментом критики советской действительности, но и способом философского осмыслиения её глубинных проблем.

Представления А.Ф. Керенского, равно как и других деятелей русской эмиграции, о проблемах духовно-нравственного развития советского общества не были новы. В основе указанной интерпретации отношений власти и населения вероятнее всего имплицитно располагалась теологическая модель миропонимания, развивавшаяся ещё с начала XX в.: философия богостроительства. Её теоретики, в число которых входил и А.В. Луначарский⁵, будущий народный комиссар просвещения, разрабатывали концепцию новой религии – идеологического и нравственного ориентира для общества будущего. В основу данного учения, как известно, был положен принцип обожествления пролетариата – «Нового Израиля», «мессии», призванного «очистить от первородного греха... эксплуатации человека», если обращаться к определению Н.А. Бердяева [Меликов, Храпов 2017, с. 25]. Реализация всего замысла виделась большевиками в построении руками пролетариев «Царствия Божьего на земле», что, согласно тому же Н.А. Бердяеву, составляло один из принципов иудейского

⁵ Луначарский А.В. Религия и социализм. Общие замечания. Важнейшие дохристианские религии в их отношении к научному социализму. Ч. 1. СПб., 1908. 230 с.

хилиазма [Меликов, Храпов 2017, с. 24]. И хотя концепция богостроительства, выделившаяся из религиозного социализма, не была воспринята лидерами партии большевиков – В.И. Ленин ответил на неё критикой [Ленин 1968, с. 366] – в итоге произошла ремифологизация религиозных образов православной дореволюционной России. Недаром И.И. Бунаков-Фондаминский, рассуждая о роли революции 1917 г. в общемировом контексте, отмечал характерную для многих государств того времени «Вольтеровскую веру» в общее благо [Бунаков-Фондаминский 2020, с. 563].

Однако, помимо философских изысканий российских мыслителей, не следует забывать и о более насущной причине использования религиозных дефиниций: выделяется очерковая традиция 1860-х гг., для которой характерны иронические отсылки к религиозным сюжетам, что можно обнаружить и в романе М.Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города» [Головина 1997, с. 6]. Следовательно, наделение советского общества религиозными элементами нельзя воспринимать чем-то в роде казуса.

Обращение А.Ф. Керенского к элементам философской концепции богостроительства раннего советского периода было продолжено и в период руководства страной И.В. Сталина, однако всё большее значение в интеллектуальном наследии эмигранта приобретали вопросы репрессивной политики против духовенства. Основной работой, которую он посвятил проблемам взаимоотношения советской власти и населения в духовной сфере, можно назвать статью «Большевизм и религия» 1930 г., которая планировалась к публикации в газете «Дни». Прослеживая эволюцию террора за 12 лет существования советской власти, А.Ф. Керенский увидел своеобразие последней в слиянии государства с партией – «идеологической sectой», чьим догматом стало «безбожие»⁶. И если поводом к осуществлению «sectой» репрессивной политики, по мнению эмигранта, становились спровоцированные народные волнения⁷, то глубинные причины

⁶ ГА РФ. Ф. Р-5878. Оп. 2. Д. 45. Л. 2,3.

⁷ Там же. Л. 9.

состояли в том, что, в отличие от И.В. Сталина, духовенство обладало большим авторитетом среди населения⁸.

В то же время политика террора в отношении населения и духовенства со стороны коммунистической партии была отдельно рассмотрена А.Ф. Керенским и представлялась им в форме трёх фаз⁹. Первая – эпоха Гражданской войны 1918–1921 гг. – ознаменовалась, согласно приведённой российским политиком статистике ВЦИК, казнями 20 епископов и 1414 священников, однако бежавший епископ Кашинский Николай по данным ЧК определил количество жертв расстрела и пыток среди белого духовенства в 2691 человек, монахов – 1962, монахинь – 3447, что в общей сумме составило 8100 убитых.

В ходе рассуждений Керенский заключил, что на данном этапе террор носил не личный характер – ему подвергался сразу определённый социальный класс, что, по его мнению, соотносилось с римской децимацией. Вторая фаза началась с завершением Гражданской войны, когда эпоха новой экономической политики, отчасти освободившая хозяйствственные силы крестьянства, «забила крышку гроба русской мысли», особенно религиозной. И несмотря на снижение количества расстрелов, гонения на религию сохранились. Третья фаза была соотнесена российским политиком с приходом на пост генерального секретаря ЦК КПСС И.В. Сталина и введением пятилетнего плана развития страны, который эмигрант позже назовёт «сталинской Голгофой» – экономическая политика в его осмыслении получала параллель с религиозной: именно так шло восприятие планового закрытия храмов, совершившегося лишь по номинальному требованию местного населения. Такое представление о народе как о пассивной составляющей общества оформилось ещё в период возникновения дискуссий между славянофилами и западниками и являлось довольно характерным среди российских интеллектуалов.

Говоря о представлениях А.Ф. Керенского относительно советского общества и подавляющей его политики террора,

⁸ ГА РФ. Ф. Р-5878. Оп. 2. Д. 170. Л. 146; Керенский А.Ф. Пушкин // Новая Россия. 1937. № 21. С. 2–3.

⁹ ГА РФ. Ф. Р-5878. Оп. 2. Д. 45. Л. 5–8.

необходимо иметь в виду их идеологические основания, кривицкие в партийных установках. Как известно, взгляды социалистов-революционеров на многие аспекты государственных преобразований сложно назвать едиными: народническая модель, на которой базировалась программа партии, условно подразделялась на «демократическую», которой придерживались представители правого крыла, и условно «антидемократическую», выраженную левыми эсерами [Морозов 2017, с. 136]. Идейный представитель последних – В.М. Чернов, анализируя форму политического режима в Советском государстве, видел в демократии монолитные правительства, которые состоят лишь из определённого класса и, в случае необходимости, могут прибегнуть к временной диктатуре [Чернов 1997, с. 585].

Сторонники «демократической группы», куда входил и А.Ф. Керенский, видели в качестве одного из наиболее целесообразных путей преобразования государственности преодоление пассивности населения, «определяющего агента русской истории», как выразился М.В. Вишняк [Морозов 2017, с. 150], и развитие его гражданской активности. Таким образом, провозглашалось право на самобытное существование народного самоуправления – ключа к построению демократического государства, где реализовывались бы важнейшие для народников и их преемников, эсеров, принципы: свобода и демократия, гуманизм, ценность личности и социальная справедливость. «Мы защищаем третье начало – народовластие – не как вечное, но как самое совершенное в его исторической обусловленности», – писал в своё время тот же Г.П. Федотов [Федотов 1994, с. 83]. Для М.В. Вишняка, в свою очередь, народ был неотделим ни от политической, ни от национальной свободы, а права большинства и меньшинства были безусловно равны¹⁰.

Данная модель развития российского общества базировалась на идеях народничества, преемниками которого считали себя социалисты-революционеры. Народничество – порождение западнического направления в лице А.И. Герцена и

¹⁰ Вишняк М.В. Проблема прав меньшинств // Современные проблемы: Сборник статей. Париж: Русское книгоиздательство Я. Поволоцкого и Ко, б/д. С. 53; Он же. Чёрный год. Париж: Из-во «Франко-русская печать», 1922. 289 с.

Н.П. Огарёва, побеждённое, как впоследствии выразился правый эсер И.И. Бунаков-Фондаминский, «социальным славянофильством» – в своих истоках содержало веру в русский народ и его социальные начала [Бунаков-Фондаминский 2020, с. 19]. Схожие взгляды исповедовал и Ф.А. Степун, который предпринимал попытки синтезировать идеи славянофильства и западничества [Гаврилов 2017, с. 370].

Иным элементом конструируемым в интеллектуальном наследии А.Ф. Керенского советской действительности стало представление общества как варваризированной, лишенной культурных потенций группы: «Варвары несут с собой угрозу нашим культурным ценностям. Они стремятся разрушить наши храмы и вместо них воздвигнуть свои капища»¹¹. Вслед за анализом таких духовно-нравственных проблем, существовавших на родине, как проведение антирелигиозных лекций и вскрытие мощей для опровержения христианской догмы об их нетленности¹², российский политик обращался также к сфере культуры, науки и образования: «Царство красного террора должно сделаться “республикой наук и искусств”» – с иронией писал он¹³. В действительности же Керенский видел совершенно иную картину. Так, в 1920-х гг. он констатировал, что «Россия превратилась не в современные Афины с Периклами и Сократами, а в щедринский город Глупов, где сотни Угрюм-Бурчеевых упраздняют науки и разрушают школы»¹⁴.

Данный подход к осмыслиению духовно-нравственных проблем, сложившихся в советском обществе, во многом уже является своеобразной традицией – перенесение образов из «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина на Советский Союз – был весьма характерен для многих представителей русского зарубежья. На восприятие ими элементов из утопического произведения повлияло личное несогласие автора не только с монархией как политической формой правления и организацией

¹¹ Керенский А.Ф. Февраль и Октябрь. С. 274.

¹² ГА РФ. Ф. Р-5878. Оп. 2. Д. 45. Л. 5.

¹³ Керенский А.Ф. Геростраты наших дней // Издалёка: сб. ст. Париж, 1922. С. 59.

¹⁴ Керенский А.Ф. Геростраты наших дней С. 60.

жизни, но и с утопическим социализмом, что как раз соответствовало мировоззренческим установкам самих эмигрантов. Кроме того, последняя глава романа предположительно была написана под общим впечатлением от «нечаевского процесса» и являлась сатирой на идеи С.Г. Нечаева о «казарменном коммунизме», к образам которого также обращались и деятели русской эмиграции [Свирский 1991]. Недаром А.Ф. Керенский писал о том, что в «социалистическом царстве труда и свободы всё содержание жизни свелось к казарме», а организация общества – к «железной дисциплине на прусский образец»¹⁵.

Однако если в 1920-е гг. российского политика, как правило, волновали проблемы духовно-нравственного развития советского общества, связанные с вопросами его варваризации, то уже в 1930-е гг. его внимание привлекли иные темы. С одной стороны, он продолжал отмечать невозможность культурного развития и появление «новых Пушкиных» ввиду «беспощадной цензуры мысли»¹⁶. Стоит отметить, что фигура А.С. Пушкина была избрана Керенским вовсе не случайно: в 1920–1930-е гг. знаменитый русский поэт и писатель превратился для эмигрантов в символ потерянной России, в консолидирующий разрозненное русское зарубежье элемент [Березовая 2001, с. 29]. Констатировался Керенским и упадок культуры дискуссий на страницах периодических изданий¹⁷, вызванный цензурой. В этой же связи упоминались случаи изъятия учебников истории и написание новых под руководством И.В. Сталина – «учителя историков»¹⁸. Схожие моменты отмечал также Г.П. Федотов, для которого генеральный секретарь стал «покровителем» советских писателей [Федотов 1994, с. 32].

С другой стороны, А.Ф. Керенский обозначил незначительный рост свободолюбивых настроений в самом советском обществе. В частности, им отмечалось восстановление казачьих традиций, а также активизация объединений толстовцев,

¹⁵ Керенский А.Ф. Советская действительность. С. 53.

¹⁶ Керенский А.Ф. Пушкин. С. 4.

¹⁷ Керенский А.Ф. В поисках Герцена // Новая Россия. 1938. № 6. С. 3.

¹⁸ Керенский А.Ф. Бесклассовая молодёжь // Новая Россия. 1936. № 1. С. 2.

выступавших за обещанное ещё при В.И. Ленине возвращение свободы слова и печати¹⁹. Так называемая «новая молодёжь», несмотря на идеологическое воздействие со стороны партии, становилась для Керенского, равно как и для других мыслителей русского зарубежья, надеждой на духовно-нравственное обновление и построение нового трудового государства²⁰. В 1937 г., в день двадцатилетия Февральской революции, он написал строки, во многом суммирующие его взгляд на духовно-нравственное развитие советского общества: «Духовную жажду творчества – тоталитарная диктатура, совершенная Несвобода, уголить не может. В этом приговор октябрю, в этом утверждение февраля»²¹.

Резюмируя вышесказанное, представляется возможным говорить сразу о нескольких проблемах духовно-нравственного развития советского общества, которые нашли отображение в интеллектуальном наследии А.Ф. Керенского периода французской эмиграции 1920–1940 гг. В общем и целом, к ним относится нравственный упадок, вызванный во многом радикальной политикой советской власти и пассивностью населения. Формирование соответствующего образа советского общества происходило под влиянием философии богостроительства, развивавшейся русскими социалистами в конце XIX в., историко-сатирических образов из романа М.Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города», а также неонароднической концепции развития России. К концу 1920-х – началу 1930-х гг. фокус внимания А.Ф. Керенского сместился в ином направлении: всё большее внимание российский политик начал отводить анализу зачатков духовного обновления советского общества, проявившихся в лице молодого поколения.

¹⁹ Керенский А.Ф. В поисках Герцена. С. 2.

²⁰ Керенский А.Ф. Молчащая Россия // Новая Россия. 1936. № 10. С. 3; Он же. Что же происходит вокруг Сталина? // Новая Россия. 1939. № 29. С. 2.

²¹ Керенский А.Ф. Двадцатая годовщина // Новая Россия. 1937. № 23. С. 3.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Интеллектуальная история как инструмент исторической экспертизы» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

ACKNOWLEDGEMENTS

The reported study was carried out within the RSUH project “Intellectual history as a tool of historical expertise” (“Student project research teams of RSUH” competition).

ЛИТЕРАТУРА

- Березовая 2001 – *Березовая А.Г.* Культура русской эмиграции (1920 – 30-е гг.) // Новый исторический вестник. 2001. № 5. С. 1–33.
- Бунаков-Фондаминский 2020 – *Бунаков-Фондаминский И.И.* Пути России / Сост., подг. текста и общая редакция О.А. Коростелева, Е.А. Андрушченко; послесл. и прим. Е.А. Андрушченко. М.: ИМЛИ РАН, 2020. 688 с.
- Гаврилов 2017 – *Гаврилов И.Б.* Ф.А. Степун о России и русской философии // Христианское чтение. 2017. № 2. С. 345–373.
- Головина 1997 – *Головина Т.Н.* «История одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина: литературные параллели. Иваново: Изд. ИвГУ, 1997. 76 с.
- Меликов, Храпов 2017 – *Меликов И.М., Храпов С.А.* Феномен «русского религиозного социализма». Н. Бердяев о специфике социализма и советская действительность // Философская мысль. 2017. № 7. С. 21–33.
- Морозов 2017 – *Морозов К.Н.* Эсеровские варианты народнической модели общественно-политического переустройства России // Идеи и Идеалы. № 4. Т. 1. 2017. С. 135–156.
- Свирский 1991 – *Свирский В.* Демонология: Пособие для демократического самообразования учителя. Рига: Звайгзне, 1991. 166 с.

- Степун 2023 – Степун Ф.А. Бывшее и несбыточное. М.: Захаров, 2023. 746 с.
- Тютюкин 2012 – Тютюкин С.В. Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2012. 309 с.
- Федотов 1994 – Федотов Г.П. О святости, интеллигенции и большевизме: Избранные статьи / Сост., автор вступ. ст. А.Ф. Замалеев, комм. О.А. Печуриной и Е.А. Шмелевой. СПб.: Издательство С-Петербургского университета, 1994. 150 с.
- Чернов 1997 – Чернов В.М. Конструктивный социализм. М.: РОССПЭН, 1997. 650 с.
- Abraham 1987 – Abraham R. Alexander Kerensky: First Love of the Revolution. NY.: Columbia University Press, 1987. 503 p.

REFERENCES

-
- Abraham, R. (1987), *Alexander Kerensky: First Love of the Revolution*, Columbia University Press, New York, USA.
- Berezovaya, L.G. (2001), “The Culture of Russian Emigration (1920–30s)”, *Noryi istoricheskii vestnik*, no. 5, pp. 1–33.
- Bunakov-Fondaminsky, I.I. (2020), *Puti Rossii* [The Ways of Russia], Comp., subst. text and general editing by O.A. Korosteleva, E.A. Andrushchenko; afterword and note by E.A. Andrushchenko, IMLI RAS, Moscow, Russia.
- Gavrilov, I.B. (2017), “F.A. Stepun on Russia and Russian Philosophy,” *Khristianskoye Chteniye*, no. 2, pp. 345–373.
- Golovina, T.N. (1997), “*Istoria goroda*” M.E. Saltykova-Schedrina: *Literaturnye parallely* [“History of a City” by M.E. Saltykov-Shchedrin: Literary Parallels], Publ. IdSU, Ivanovo, Russia.
- Lenin, V.I. (1968), *Materialism i Empiriocritizm: T. 18* [Materialism y Empiriocrititzism: Vol. 18], Political Literature Publishing House, Moscow, Russia.
- Melikov, I.M. and Khrapov, S.A. (2017), “The Phenomenon of ‘Russian Religious Socialism’: N. Berdyaev on the Specifics of Socialism and Soviet Reality”, *Filosofskaya mysl*, no. 7, pp. 21–33.

- Morozov, K.N. (2017), "Socialist-Revolutionary variants of the populist model of socio-political reorganization of Russia", *Ideas & Ideals*, vol. 1, no. 4, pp. 135–156.
- Svirsky, V. (1991), *Demonologiya: Posobiye dlya demokraticeskogo samoobrazovaniya uchitelya* [Demonology: A manual for democratic self-education of a teacher], Zvaigzne, Riga, Latvia.
- Stepun, F.A. (2023), *Byvsheye i nesbyvshyesya* [The former and the unfulfilled], Zakharov, Moscow, Russia.
- Tyutyukhin, S.V. (2012), *Alexander Kerensky. Stranitsy politicheskoy biografii (1905–1917)* [Alexander Kerensky. Pages of a political biography (1905–1917)], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Fedotov, G.P. (1994), *O svyatosti, intelligentsii i bol'shevizme: Izbrannyye stat'i* [On holiness, intelligentsia and Bolshevism: Selected articles], Comp., author of introduction. article A.F. Zamaleev, comments O.A. Pechurina and E.A. Shmeleva, Publishing House of St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia.
- Chernov, V.M. (1997), *Constructivnyi sotsializm* [Constructive socialism], ROSSPEN, Moscow, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Марина В. Новикова, студентка бакалавриата, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; M.novikovaa@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina V. Novikova, student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; M.novikovaa@yandex.ru